Текст · 29 августа 2022, 05:56
Максим Бутченко,

«Здание подпрыгнуло и опустилось». Рассказ женщины, пережившей авиаудар по мариупольскому драмтеатру

Первый раз корреспондент «Медиазоны» позвонил 58-летней Надежде из Мариуполя спустя два с небольшим месяца после бомбардировки драмтеатра. Через три минуты она попросила прекратить разговор. Прошло еще полтора месяца, прежде чем Надежда смогла подробно рассказать, что происходило в здании утром 16 марта, когда российская авиация сбросила на него бомбы, убившие, по оценке горсовета, как минимум 300 укрывавшихся там мирных жителей.

Эвакуация

24-го числа уже было наступление, но мы этого еще не понимали. Было страшно, но, наверное, сработала ассоциация с 2014 годом. Стреляли, скорее всего, работали «Грады» и минометы, но авианалета, как и в 2014 году, не было. Поезда ходили, но люди не собирались уезжать, потому что не понимали угрозы.

27 февраля я еще ехала на работу. В основном обстрел шел со стороны Восточного[1], нам казалось, что от блокпоста, а это близко от нас. Уже через день я с семьей дочери и двумя собаками переехала в другую квартиру на 23-й микрорайон — через мост, в противоположную[2] часть города, там, где

«Азовсталь». Таких обстрелов, чтобы попадало в наш дом, пока не было.[3]

28 февраля в домах отключили свет, потом утром 2 марта дали, а уже днем электричество пропало с концами. Воды не было, отопления, газа тоже. Со 2 марта мы понимали, что блокада полная — некоторые люди пытались выехать, их возвращали. Кушать готовили на кострах у подъезда: из кирпичей строили очаг, сверху клали решетку из духовки.

Как раз в это время был снег, дождь, и мы дождевой воды набирали — хотя бы в туалет сходить, руки помыть, вот для таких нужд. По воду ходили вниз, у нас там развлекательный центр «Аляска», в зимнее время было катание на сноуборде и лыжах, санки, спуск с горы. А внизу там был родничок. Мы туда ходили, чтобы набрать питьевой воды. Она хоть и горчила, но другого варианта не было.

5 марта делали вылазки в магазины, некоторые еще работали и, хоть и без света, продавали. Но магазины уже начали вскрывать, например, АТБ[4] на 23-м микрорайоне был вскрыт и разграблен, а еще «Щирий кум»[5]. Но маленькие некоторые еще работали. У меня животные, и я напротив «Щирого кума» в маленьком магазинчике брала корма для собак своих. Но, опять же, чтоб вы понимали, покупали мешками, потому что в основном там были электронные весы, а света не было, и на развес весы уже не работали.

Когда мы ходили[6], был прилет на конечной остановке, номер дома не подскажу. АТБ находился на первом этаже, а вверху — 14-этажка. Вот туда

был прилет, скорее всего, «Града». Мы были рядом, напротив. Мы просто упали на землю, потому что рядом не было ничего, за чем можно было укрыться.

В тот день мы еще увидели военных, они шли в аптеку. Я попросила жаропонижающее, а солдаты сказали, что сначала возьмут все необходимое для ВСУ, а потом полиция уже разрешила заходить и брать то, что нам нужно. Но это невозможно было сделать, потому что туда ломанулись мужики. Когда они уезжали, начиналось мародерство — люди были в панике.

Обстреливали со стороны как бы «Ильича»[7]. Это продолжалось до 8-го числа. А 8 марта очень жарко стало — ранним утром начали поздравлять с праздником, уже начала работать авиация, мы ее слышали.

Мы жили на втором этаже третьего подъезда, прятались от бомбежек в общем коридоре. Жители четвертого подъезда приходили к нам, потому что наш был более безопасным, он посередине дома. Прилеты сначала были по четвертому подъезду, а 8 марта у нас был прилет между третьим и четвертым этажами. У нашей застекленной лоджии выбило стекла. Всю мебель из комнаты вынесло в коридор ударной волной. Было очень страшно. Горело все. Неразбериха. Потерянность. Отчаяние.

Тогда же было попадание в рядом стоящий дом — очень сильный взрыв, и подъезд просто вспыхнул. Приехали три пожарных машины, три расчета, но они ничего не смогли сделать, потому что воды нет, подключиться некуда.

После этого спасатели начали ходить и говорить, что женщинам, детям и старикам предлагают эвакуироваться: будут поданы бронемашины, которые отвезут в драмтеатр, в ДК Металлургов[8] и в филармонию. Там были подвалы. Дело в том, что у нас даже подвалов не было, были только подземные коммуникации, не приспособленные для пребывания людей.

Я настояла, чтобы сваха вместе с внуком поехали. Уже ближе к вечеру стали говорить, чтобы все выезжали, потому что наш дом находился на линии огня. Многие начали уезжать на этих бронированных машинах, сначала старики и дети, а потом в панике и остальные. В этих машинах дверей не было: как поддон открывался сзади и вакуумом закрывался, похожи на инкассаторские машины.

Эмчеэсники сказали, что вроде бы повезут нашего внука и сваху в драмтеатр. Мы поговорили, я, дочка и зять. И решили оставаться. Но вечером, около девяти, нам сообщили, что больше машин не будет — если остаемся, то на свой страх и риск. В нашем подъезде оставался только один мужчина, и мы втроем. Тогда мы решились уезжать, собрали вещи, документы, но мест уже не было. Нам ничего не оставалось, как ехать на своей машине за этой бронированной, но пока мы взяли сумки с документами, она уже уехала.

Очень было страшно ехать, потому что провода валялись на дороге, разбитые машины, всюду выемки, посеченные деревья. И это все в полнейшей темноте. Ехали на ближнем свете фар — нас об этом предупредили.

Мы поехали к драмтеатру. Когда приехали, то бронемашин там не обнаружили, людей, скорее всего, уже разместили. Мы попросились внутрь. Люди из полиции сказали, где поставить машину. Мы зашли со служебного входа. Людей было очень много. Света не было. На первом и втором этажах люди были как селедки в банке. Удобств никаких.

Нас подняли на третий этаж, где место еще было более-менее, поднимаешься по центральной лестнице и направо. Это было фойе.

Сначала мы стояли, потом сели на пол. Было очень холодно. Кое-как, сидя и стоя, мы пробыли там ночь.

Театр

Были люди в подвале, с которыми мы познакомились. И мы с ними договорились, что они выезжают, а мы на их место в подвал спускаемся. Но с условием, что если их вернут, то мы возвращаемся на третий этаж. Они не вернулись. Благодаря этому мы остались живы.

9 марта стало приходить большое количество людей. Не было места даже на третьем этаже. Некоторые люди шли в сам зал, но волонтеры говорили, что там очень опасно, потому что купол не защищен, он хрупкий.

Снаружи у театра была размещена военная полевая кухня. Там был распорядок: с восьми до девяти утра раздавали кипяток. В начале еще выдавали заварку, например пакетик на два стакана. Днем давалась похлебка и вечером кипяток. Для детей была отдельная очередь. Там давали чай с конфетами, сухарики, печенье, яблоки. Детей было очень много.

Там была 15-летняя девчонка Настя, волонтер. Она занималась размещением людей. Ребята, которые вызвались помогать, ездили по магазинам вместе с полицией и доставали все, из чего можно было готовить. Приходили хозяева невскрытых магазинов и предлагали свой товар. Мой зять ездил. Примерно в два-три часа дня у нас был обед, и вся раздобытая еда шла на его приготовление.

На кухне волонтеров было человек пятнадцать: трое тех, кто готовили, остальные — подсобники. Там стояли большие баки для воды, в них наливали очищенную воду. Таких у нас внутри стояло два бака, а третий на улице у входа. Надо было натаскать воду для чая, для супа, похлебки и для вечернего чая.

Готовили прямо на улице на полевой кухне на дровах. К нам приезжали волонтеры, которые привозили спички, свечи, туалетную бумагу и воду. Потом они начали привозить питьевую неочищенную воду в цистернах большими машинами из горводоканала.

Мы познакомились с людьми из подвала: помогали друг другу, дежурства устанавливали в туалетах — это все забивалось.

У нас несколько раз была перепись. Один раз было приблизительно три тысячи человек. Но количество постоянно менялось, потому что одни пытались выехать на своих машинах, кто-то возвращался домой, кто-то уходил, кто-то приходил. Была постоянная миграция. Мы несколько раз пытались выехать, но нас возвращали, а потом бензина у нас не было уже.

Перепись была по этажам и по подвалу отдельная, а со стороны служебного входа — отдельная. Давали тетрадку, мы записывались. Могу сказать, что 15-го числа было примерно 2 500 человек.

В театре мы не нашли ни мою сваху, ни внука. Приезжали ребята из Нацгвардии и патрульная полиция. Мы их просили, чтобы они разыскали родственников, потому что мы не знали, куда их могли отвезти. В конце концов они дошли до ДК Металлургов и там их нашли, на машине забрали. Но из-за того, что в драмтеатре было очень холодно, а во дворце пионеров более-менее тепло и лежат ковры, их отвезли сначала туда. 15-го числа были сильные обстрелы, а там высокие окна, все дрожало. Было непонятно, что будет дальше, поэтому их привезли в драмтеатр 15 марта утром. И так мы все соединились.

Иллюстрация: Аня Леонова / Медиазона

ДЕТИ

Когда мы приехали в театр, эта надпись[9] уже была. Обводили краской эту надпись, выделяли патрульную полицию, чтобы ярче обводить. Было рассчитано, что с самолета будет видна эта надпись.

13-го числа[10] обстреляли роддом, после этого к нам привозили женщин с детьми. Их размещали со служебного входа, там, где гримерки были. Было очень много женщин с грудничками, нас туда просили не ходить. Но эти помещения были не защищены. Ребята, мой зять в том числе, брали деревянные щиты, плотную бумагу и забивали окна, чтобы люди не поранились разбившимся стеклом. В гримерках тоже, но там очень высокие окна — внизу они прибивали, а сверху уже не было возможности. Все было сделано подручными средствами: козлов не было, молотков не было, забивали гвозди камнями. Сколько их там было — неизвестно. Знаю, что там была медсестра. Кстати, все были без масок. Где-то чихали, кашляли, но прямо пандемии не было. Были прилеты по служебному входу, там пострадала женщина — ей посекло бедро.

16 марта

Это было где-то в 9:00–9:30. Может быть, в десять. Нам уже раздали кипяток, зять должен был помогать таскать воду, и в этот период был авианалет. Я помню время, потому что обычно много людей находилось возле полевой кухни на улице. Очень много людей. Раковины забивались в помещении, поэтому набирали себе воды и выходили на улицу умыться, почистить зубы.

Мы находились в подвале. Мы должны были выходить, зять наклонился, чтобы завязать шнурки на ботинках, и его с огромной силой отбросило вперед. Одна из дверей подвала была забита толстым листом металла. После взрыва эта дверь валялась снаружи. Бочку, которая стояла при входе, ее покорежило, покрутило и разорвало.

Когда это случилось, мы не поняли, что произошло. Это был звериный страх, паника — ты не понимаешь, что это, как это? Была вибрация всего здания, такое ощущение, что здание подпрыгнуло, перетряслось и вновь опустилось. Хоть мы были одеты, штукатурка оказалась внутри, на теле. Когда я по ступенькам выскочила наверх, то сверху спускались люди, все в штукатурке, с присыпанными, как мукой, волосами. Кто-то в крови. Настена выскочила, волонтер. Она была в недоумении. Она была на втором этаже в фойе. У нее была паника, все ее документы были на втором этаже со стороны служебного входа. Она пыталась туда прорваться, но ребята сказали, что там уже ничего нет — полное обрушение. Эта стена завалила полевую кухню на улице, там попридавливало людей. Были крики, стоны, много фрагментов человеческих тел.

Мы были в подвале во время этих двух ударов. Нас подбросило от первого удара, потом свист — и снова нас подбросило. Скорее всего, был один прилет в купол по направлению к кухне по касательной, а второй — туда, где был служебный вход.

Кто-то спускался вниз, много людей ломилось в подвал. Паника, страх. Стоял стойкий запах металла. Кровь. Крови было очень много. Я умею перевязывать,

и мы начали оказывать первую помощь. Я просила пацанов резать простыни, покрывала, полотенца. Спускалась женщина вся в крови и придерживала свою икроножную мышцу руками. Я сделала имитацию жгута над коленкой, перевязала и сказала, что у нее есть час и что ей надо попасть в хирургию. У девушки примерно 18 лет из надбровной дуги торчал кусочек осколка, она истекала кровью. Мы перевязали ее, не вынимая инородное тело, хоть она и просила. Я побоялась, что она после этого истечет кровью.

Потом, когда мы на первом этаже пытались перевязать людей, начали кричать, что пожар — началось возгорание. В драмтеатре много дерева, обшивки, особенно в зале. Там были деревянные кресла. В подвале вентиляционная система была в виде дырок, туда начало затягивать угарный газ. Мы выскочили, чтобы не угореть. У нас спрашивали, помогали ли мы выносить людей, доставать из-под завалов, но человеческой силы не хватит, чтобы поднять то, что обрушилось. Были крики, стоны, фрагменты человеческих тел.

Мы побежали в здание, где шахматный клуб[11], но там сказали, что подвалы переполнены. За нами бежало много людей. В принципе, бежали кто куда, в разные стороны. Кто-то бежал к церкви, это противоположная сторона. Мы побежали к загсу[12], думали, там, может быть, есть подвал. Ничего не нашли. Тогда побежали в филармонию[13]. Там нас не хотели принимать, потому что все было переполнено. Мы начали кричать, что не уйдем. Ближе к обеду многие стали понимать, что некуда деваться.

После огня

Некоторые стали говорить, что нужно пешком идти в Мангуш[14]. Тогда же нам предлагали выехать в Мелекино[15], но заломили по 1 500 гривен[16] с человека. У нас таких денег не было. Мы остались в филармонии. С 16-го на 17-е было несколько прилетов прямо во дворе, торчали из земли большие длинные трубы. Не знаю, что это было. Целую ночь я не смыкала глаз, потому что окна дрожали.

Зять 17-го числа утром решил пойти посмотреть, как там машина около драмтеатра. Решили ехать до Мелекино, насколько хватит бензина, закончится — бросим машину и пойдем пешком. Он шел под обстрелами, несколько раз падал на землю, лежал возле бордюра. Машина была целая, немного посечена. Он начал ее заводить, а она не заводится. Ему понадобилась тряпка, и он решил спуститься в подвал драмтеатра — там стоял запах гари — и увидел двух мужчин. Они сказали, что пришли за водой, а зять сказал о своей проблеме: отсутствии бензина. Один из мужчин вызвался дать немного бензина. Зять сказал, что денег у него нет, чтоб расплатиться, а тот ответил, что просто так даст. Его машина сгорела. Когда начали заводить, поняли, что аккумулятор сдох. Тот сказал, что и аккумулятор даст с машины. Не знаю, как зовут этого человека, но он был нашим ангелом-хранителем.

У меня с собой были две переноски с собаками. Но после взрыва, когда мы бежали, я двух собак засунула в одну переноску, а вторую оставила. Мы выехали сначала до Мангуша, но там оказалось

очень много людей. Там уже начали вскрывать базы отдыха, чтобы размещаться. И мы решили ехать на Бердянск. Мы простояли пять или шесть часов, чтобы выехать из Мангуша: проверяли машину, проверяли все вещи, мужчин раздевали. Нас сильно не смотрели, единственное, осмотрели на предмет отсутствия следов от стрельбы, когда нажимаешь на курок. Мы с дочкой в очках. Они сказали: «А, вы в очках. Езжайте». Потом мы часов 14 простояли на въезде в Бердянск. Вот там они очень досматривали, до трусов. Искали татуировки на теле, следы от бронежилета.

До Бердянска мы доехали, считай, на парах. В Бердянске наш знакомый помог нам достать бензин. Мы купили 20 литров бензина, купили по 300 гривен-[17], это было шикарно. 20-го числа мы выехали из Бердянска в Запорожье.

Когда мы были в Бердянске, мы встретились там с одной семьей, которая видела, как пролетел самолет и скинул бомбу. Они видели этот взрыв драмтеатра. Мы с ними почти одновременно выезжали.

Базы «Азова»[18] в театре не было. К нам приезжала патрульная полиция и спрашивала, в чем мы нуждаемся. Они должны были поддерживать порядок из-за большого скопления людей. «Азов» приезжал к нам как раз в филармонию 16-го днем. Я их умоляла, чтобы они раскопали тех, кто придавлен. Они приехали и уехали. Они там не дислоцировались.

Мне сейчас сложно разговаривать с теми, кто остался в Мариуполе. Они включают зомбоящики, им промывают мозги. Дали свет и воду до какого-то этажа, так они говорят: «У нас хорошо, у нас не

стреляют». А что хорошо? Там вся земля лет на десять мертвая, пропитана трупным ядом. С нашего дома мне по вайберу звонила знакомая и спрашивала, когда мы вернемся. А куда возвращаться?

Недавно я видела на фейсбуке одного мальчишку, которого я после взрыва трясла и говорила ему, что он должен жить теперь за отца, которого, скорее всего, привалило. Правда, потом его вроде кто-то видел.

Мы сейчас все больные люди. У меня с памятью отвратительно стало. Мой мозг блокирует воспоминания, чтобы я не сошла с ума.

Материал подготовлен при поддержке «Фонда Бориса Немцова за свободу».

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Микрорайон на восточной окраине Мариуполя.
2. В Центральный район города, на другой берег реки Кальмиус.
3. 5 марта.
4. Украинская сеть дискаунтеров.
5. Сеть магазинов колбас и мясных полуфабрикатов.
6. По магазинам 5 марта.
7. Мариупольский металлургический комбинат имени Ильича, расположен к северу от «Азовстали».
8. Старое название дворца культуры «Украинский дом».
9. Слово «Дети», написанное на мостовой перед обоими фасадами драмтеатра, хорошо видно на спутниковом снимке Maxar Technologies от 14 марта.
10. На самом деле удар по родильному отделению мариупольской больницы № 3 был нанесен 9 марта.
11. Улица Энгельса, 35-а, через двор от Театрального сквера.

12. На проспекте Металлургов, 37, через квартал от шахматного клуба.

13. Мариупольская камерная филармония на проспекте Металлургов, 52.

14. Поселок городского типа примерно в 20 километрах от центра Мариуполя. Через Мангуш пролегал один из основных маршрутов эвакуации.

15. Приморское село в Мангушском районе.

16. Чуть меньше 2 500 российских рублей.

17. Чуть меньше 490 рублей.

18. 16 марта российское Минобороны утверждало, что «в здании театра нацисты батальона "Азов" могли удерживать мирных жителей в заложниках, используя верхние этажи в качестве огневых точек».